

18 Владимир Платонов
Зигфрид фон Бабенберг
Роман в Костромской

Зигфрид фон Бабенберг

Роман в Костромской

«Издательские решения»

фон Бабенберг З.

Роман в Костромской / З. фон Бабенберг — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-647722-3

Книга посвящена непростой жизни казачества в XX веке на Кубани. Книга представлена двумя авторами, уроженцами станицы, что делает ее уже необычной. Авторы корнями уходят в противостоящие классы в станице, но приходят к сходным выводам в оценке исторических событий. Часть текста публиковалась ранее в книгах «Станица Костромская. История и археология» и «Мой молчаливый ровесник в Верхотурье»».

ISBN 978-5-00-647722-3

© фон Бабенберг З.
© Издательские решения

Содержание

РОМАН В КОСТРОМСКОЙ	6
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Роман в Костромской

Владимир Платонов
Зигфрид фон Бабенберг

Иллюстрации <https://neuro-holst.ru/>

Редактор Зигфрид фон Бабенберг

© Владимир Платонов, 2025

© Зигфрид фон Бабенберг, 2025

ISBN 978-5-0064-7722-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

РОМАН В КОСТРОМСКОЙ

Владимир Платонов

Мама собиралась на Кубань к тётке Любе, и я вдруг решил навестить родные места... Долетев до Краснодара, мы пересели в маленький самолётик Краснодар – Лабинск¹, с посадкой в Армавире. В самолёте я увидел молодую девушку непримечательную особо ничем, кроме стати и молодости, и ради развлечения начал за нею ухаживать. Я узнал, что она из Камышина, до революции и до войны славившегося своими арбузами, и стал напрашиваться на арбузы к ней в гости. Она не возражала и дала мне свой адрес, и мы договорились, что в следующем году я к ней приеду... В Армавире она выходила; я подготовил свой аппарат, и мама нас на площади возле армавирского аэродрома сфотографировала на память. Осенью, вернувшись в Луганск, я отослал ей письмо и отпечатки, но и тут ответа не получил. Не везло мне на Волге. Поездка в Камышин на арбузный сезон откладывалась на неопределённое время.

Прилетев в Лабинск, мы отправились дальше, на хутор, погостили у Нади и Сергея Дядьковых, познакомились с их прелестными дочками Анютой и Галей. Вместе с ними мы выбрались посмотреть на Лабинск. Преобразованный в город он не изменился ничем, только базар стал значительно меньше, и прежнего буйства не было у него. Улица Красная посвежела, стала зеленее и чище. Домики на ней были всё те же, небольшие дореволюционные двухэтажные в основном, изредка – трёх. Деревья вдоль улицы, раньше не замечаемые мною, разрослись, отчего вся Красная превратилась в прохладную тенистую аллею. По Красной влево (по течению Лабы) мы дошли до конца, до распахнутых решёток ворот городского парка, прикрепленных к кирпично-алебастровым пилонам в стиле сталинского ампира. Это был тот самый сад, где когда-то я учился в г-образном приземистом здании школы у злобной гречанки и откуда уехал с табелем за первое полугодие, заполненным двойками.

Сад тоже разросся, стал неузнаваем совсем, и я не нашёл в нём здания школы, может быть её снесли, а может она укрылась в густых зарослях сада. Было грустно. Как же всё это было недавно, как же всё это было давно... Сад «облагородили» дорожками, посыпанными жёлтым песком, и непременно алебастровыми вазонами на прямоугольных тумбах и назвали парком. Женщины с веслом, однако, в нём не было.

...В Костромской мы остановились в тёткиной хате, крытой соломой. К одной комнате с сенцами, что раньше была у неё, она пристроила горницу на деньги, присланные мамой из Междуреченска. В первой комнате с полом из широких некрашенных дубовых досок стояла русская печь, стол и кровать тёти Любы. Во второй, в горнице то есть, были две кровати с постелями. Вот и вся обстановка. Да, и пол там был земляной, глинобитный. На пол не хватило присланных денег. Почему мне об этом в своё время ничего не сказали?..

...за двором на полянке, вытягивая длинные змеиные шеи, злобно шипели гуси. А во дворе за плетнём бегали и маленькие жёлтенькие цыплятки, поклёвывая рассыпанное пшено, и степенно вышагивали голенастые цыплята постарше, уже оперённые, важно изображавшие из себя взрослых кур. Одному из них, бедолаге, жизнью пришлось поплатиться в связи с нашим приездом – взмах топора над колодой, и в руках тёти Любы трепещет тушка, обезглавленная твёрдой рукой... Борщ с молодой курятиной был бесподобен. Вообще, вкуснее тёткиного борща я не ел, у неё был особенный дар. Мама тоже неплохие варила борщи, и из тех же продуктов, а всё-таки не такие. В чём тут дело?.. Необъяснимо.

Первые дни прошли, как водится, в походах к родне. Побывали мы и на горе у Платоновых, живших выше дома когда-то трепетно любимой мною Жени Васильевой. А я даже и не вспомнил о ней. Всё бесследно проходит с годами... У Платоновых, как и в дни былые, –

пышные горячие оладьи, которые мы окунаем в поставленные перед нами тарелки с жёлтым тягучим мёдом со всеми запахами степных цветов.

Следующий поход был в противоположную сторону. Навестили тётю Веру Заховайло. Она жила в доме одна – все разъехались. Сама по-прежнему работала дояркой на молочно-товарной ферме. Младшая дочь её Мария, от несостоявшейся близости с которой я испытал первые страхи

¹ Лабинская получила статус города.

плотской любви, много лет работала в шахте на севере, в Воркуте. Там она получила квартиру, там и жила. Жизнь у неё не сложилась. Муж её, Демьян Стародубцев, бросил её с маленьким сыном. Душевное потрясение привело Маню в психиатрическую лечебницу, где её довольно быстро поставили на ноги. После этого она и уехала из Костромской вместе с сыном, Юрой, по-видимому, ни у тёти Веры, ни у Дядьковых его я не видел.

Будучи на верхнем краю станицы, прошли мы мимо знакомого дома с огромным тутовником, где мы жили в сорок шестом, и направились к тётке Паше, жене старшего маминого брата Сергея, того, что был председателем ревкома в станице, а затем комиссаром бригады, и кого на куски белые саблями порубили в Лабинской или Костромской. Страшное, безумное дело – братоубийственная война. Упаси бог Россию от её повторения...

После гражданской войны, в начале нэпа, овдовевшая тётя Паша вышла замуж за зажиточного казака, родила ему четверых детей, но грянуло сталинское раскулачивание, всю семью выслали на Северный Урал, в Нижний Тагил, где муж её на лесоповале и сгинул. Тётя Паша, оставшись с детьми без кормильца, не смогла уберечь их от голода и болезней. Все они в первую зиму и умерли. Сама она выжила чудом. Её подобрали и взяли к себе домработницей инженеры. В станицу она смогла вернуться лишь после разоблачения зверств Иосифа Сталина, без пенсии, без какого-либо пособия, когда жизнь и силы были уже на исходе. Вырыла себе землянку на участке, заросшем акацией, позади бывшей «усадьбы» Быковых, расчистила себе небольшой огородик, с него и кормилась. Потом, не без помощи мамы и Любы, построила крошечную хатёнку, купила козу. Так и жила.

...занятый своими мыслями и проблемами, я сочувствовал ей, но довольно таки отстранённо. И не подумал спросить, чем я мог бы помочь, не дорос ещё до того, когда горе чужое, страдание, стали проникать внутрь самой сути моей. А ведь мог хотя бы руками своими для неё что-то сделать. Эгоисты мы в молодости. Чуткости не хватает... Вот в чём беда... Только с годами стал ставить себя на место другого, ощущать, как своё его безысходное горе и содрогаться от ужаса перед тем, что пережил человек. Но за что такая кара на русского человека?! А ведь пора была, наконец, и задуматься, что неисчислимы трагедии эти принёс людям большевистский социализм, его государство, которое мордует всех людей без разбора, попирает их человеческое достоинство, обрекая на смерть ни в чём не повинных «классово чуждых», в том числе и беззащитных детей, женщин, старух...

Что после этого можно сказать о создателях большевизма? Лишь одно – это звери. Но и звери жертвы свои не терзают годами, десятками лет. На это способны только большевики (я имею в виду тех, кто правит, приказывает). Это даже не звери. Это выродки среди зверей.

...Мама и Люба относились к тётке Паше весьма уважительно как к старшей невестке в семье, называя её няня Паша, не иначе.

...Тётя Паша, усадив нас за столиком под алычой, засуетилась, достала заветную бутылку домашней наливки, запечатанную кукурузною кочерыжкой, и мы отметили встречу рядом с хижинкой и козой... Козочка оказалась тут кстати, мы попили, наконец, молока: в станице, где раньше незнакомому путнику, просившему пить, иной раз вместо воды выносили кувшин холодного молока, где раньше в каждом дворе стояла корова, теперь молока нельзя было купить и на деньги... Не было молока... по той самой причине, по какой исчезло масло в Луган-

ске. Не стало коров. Те редкие смельчаки, что коров не продали и всеми правдами, и неправдами добывали корма, не могли продать на сторону ни литра, всё было расписано по соседям по списку, по тем, у кого были дети. На остальных молока не хватало.

...колхозные фермы страну не залили молоком, поголовье скота и там сократилось. Скупленный у колхозников скот увеличил начально колхозное стадо, но кормов-то на всех не было заготовлено, и стали колхозные коровушки ноги помаленьку протягивать наравне с вновь обобществлённым скотом. Вместе с этим без молока остались перерабатывающие заводы, даже наш старый знакомый, костромский маслосырзавод, раньше не знавший никаких перебоев, сейчас был закрыт. Очередная выходка остолопа, поддержанная мудрым Политбюро (Президиумом ЦК в те

времена) и всеобщим одобрением местных вождей и покорных запуганных масс, их всеобщими аплодисментами, обернулась новыми тяготами для людей.

...Но чёрт с ними, с Хрущёвым и всеми прихлебателями его – вариться в смоле им в адских котлах!.. А мы с вами вернёмся к себе на Кубань. На речку Псефирь.

...Хата Любина стояла внутри огороженного двора торцом к улице, за ней полого спускался к реке огород, засаженный сплошь почти кукурузой с фасолью, обвивавшей высокие стебли. Узкая полоска густого кустарника отгораживала огород от неширокой речушки, глубиной не выше колен и с липким илистым дном. Речка тихо текла, увлекая с собою нескончаемую плёнку зелёной лягушачьей икры, покрывавшей её от края до края.

Купаться в такой речке нельзя: мелко, грязно, противно. Ходить же за двести метров к обрыву, где на изгибе реки вымыло большую промоину, бывало, нырнёшь, – дна не достанешь (мальчишки в неё, оттолкнувшись с обрыва, летели вниз головой), мне было лень.

...я подумал, подумал... и выход нашёл. Недаром же говорят, что лень – двигатель технического прогресса.

...Я бил колья в податливое вязкое дно от берега к берегу с обоих концов огорода. Те, что в верх по течению – оплёл плавающим жгутом из прутьев с соломой, он задерживал всю икру до единой икринки. Вода ниже неё в реке очищалась. Нижние (по течению) колья послужили основой плетня, плотного от самого дна и более чем на метр выступавшего из реки. Получилась запруда. Вода в «пруду» быстро поднялась до груди – берега были крутые, – и я мог свободно в нём плавать. Наплававшись всласть, я убирал верхний жгут, чтобы сплавить пласт зелёной скопившейся массы, и, погревшись на солнышке, шёл в хату обедать и спать.

По вечерам было мне одиноко и скучно, и я начал ходить в костромскую церковь, где ещё богослужения шли, когда я в последний раз уезжал из станицы. Сейчас, после новых хрущёвских гонений, в бывшей церкви, лишённой иконостаса, креста, устроили клуб. И вечерами, когда совершенно темнело, ежедневно там были танцы. Хотя, по мне, лучше бы устроили танцплощадку на улице.

Ровесников моих, с кем я учился в шестом и восьмом классах, и тех старшеклассников, с кем был знаком, там никогда не бывало по той, вероятно, причине, что никого из них не было и в станице. Девчата и парни были гораздо моложе меня.

До начала мелодии все теснились у стен высокого просторного помещения, хорошо освещённого электричеством. Это для меня было новостью, впрочем, у тётки тоже в хате светила лампочка вполнакала – электричество дошло-таки до Костромской... С первыми звуками танго, вальса или фокстрота наиболее смелые парни приглашали девушек танцевать, большинство же, как и я в своё время, продолжали жаться у стен.

Я держался совершенно свободно и, несмотря на небольшую свою хромоту, танцевал все танцы подряд с разными девушками, которые оставались незанятыми. Лиц я их совершенно не помню, ни одно из них меня не прельстило, но танцы доставляли мне удовольствие, и я танцевал.

До поры всё шло мирно, спокойно, тем не менее, мой первый выход в свет едва не закончился для меня плачевно.

...завучал новый танец, и тут я услышал крики с противоположной мне стороны «танцевального зала», резко диссонировавшие с мелодией. Привлечённый выкриками и шумом, я пошёл взглянуть, что же там происходит. Пробравшись между танцующими, я увидел, как большой сильный парень тащит за руку девушку, которая упирается, пытается выскользнуть из его цепкой руки. При этом парень говорил ей громко и резко, но что именно, в гаме понять было нельзя. Она отвечала негромко, но это почему-то было явственно слышно, что танцевать она с ним не хочет, не будет.

Она вырвала руку и быстро отошла от него. Он снова двинулся к ней, и тут, словно чёрт дёрнул меня проявить своё благородство. Опередив приставалу, я пригласил девицу на танец, она согласно кивнула, и под такты фокстрота я увёл её в гущу танцующих. Ничего привлекательного не было в ней. Фигура крупная, как говорится, без особых примет. До сих пор не пойму, что

подвигло меня на этот безумный порыв... Едва музыка отзвучала, и я спровадил девицу на место, как передо мною вырос громила: «Пойдём, поговорим», – сказал он, и сердце моё заметалось тоскливо: «Бить будет». Он направился к выходу, и я покорно поплёлся за ним, хотя всё во мне противилось этому. Но не мог же я перед всеми показать себя трусом. Да и не отсидишься ведь в церкви: танцы кончатся, а он тут и встретит.

Мы вышли на улицу, подошли к штaketнику, огораживавшему парк, устроенный стараниями мамы ещё в бытность её председателем стансовета. Прутики с тех пор здорово подросли, стали большими деревьями, и у скамейки возле ближайшей акации, тень которой скрыла нас от освещения фонаря над входом в клуб-церковь, мы остановились.

– Ты чего вмешиваешься в чужие дела? – начал он с высокой ноты и тут же спросил: – Ты кто будешь?

Этот вопрос стал спасением для меня. Я не собирался лезть на рожон и охотно ответил:

– Станичник, Платонов, когда-то учился здесь в школе. Восемь классов окончил. Но меня мало кто знает. Больше знают мою мать, Быкову Веру Пантелеевну.

– Быкову Веру Пантелеевну? – переспросил мой грозный противник. – Которая была председателем стансовета? – и сам же продолжил: – Я её знал, её в станице все уважали, – голос его уже не звучал угрожающе.

– Так ты её сын? – спросил он, садясь на скамейку.

– Да, – сказал я, – усаживаясь рядом с ним и с облегчением чувствуя, что беда, кажется, миновала, бить меня, вроде, не собирается, – вот приехал с матерью проведать станицу...

Дальше беседа текла совсем мирно, пока не закончились танцы, и не потух свет на коньке бывшего храма, как и во всей станице – в полночь электричество отключали везде. Тут мой собеседник, пожав мне руку, исчез, а я остался один в абсолютнейшем мраке.

Луны и звёзд не было в небе, как и неба не было самого, а были, видимо, плотные тучи, и ни лучика не пробивалось сквозь них. Не было света и фонарей по причине, указанной выше. И ни одно окно не светилось огнём – люди уже sny смотрели давно, и наверно, не первые. Я же не видел ни деревьев вокруг, ни под собою скамейки, ни церкви. Знал только, что она впереди. Стало даже немного не по себе, точно я остался один в мироздании, и ничего больше нет, кроме твёрдости подо мной и моими ногами, и во мне нет ничего, кроме растерянности, как же мне в такой кромешной тьме до дому добраться – ведь нет прямой и ровной дороги и овраг впереди... В шахте, когда аккумулятор «садился», гасла лампа, я выбирался на волю, касаясь стоек крепи. Здесь же не было стенки из стоек, а была вокруг пустота и впереди церковь невидимая, и я вспомнил, как в такой же вот тьме пробирался однажды в Архангельске.

Я встал и, вытянув руки, дошёл до церкви. Касаясь стены, я обошёл церковь справа и, взяв наискось наугад, пошёл по траве через площадь, пока не наткнулся на плетень огорода. Тут уж,

перебирая руками его, я дошёл до проулка, до улицы, что вела через мост над оврагом к спуску с обрыва правее его... Как я вышел на мост и в овраг не свалился, как с пригорка спустился, а не рухнул с обрыва в реку – неизвестно. Одно знаю, что шёл я весьма осторожно, местность сначала ногою ошупывая. Не скрою, в самых опасных местах мне хотелось опуститься на четвереньки и таким образом двигаться дальше, но обошлось, слава богу, без этого.

В последующие вечера я больше опрометчивых поступков не совершал, и вволю натавцевавшись, возвращался домой без каких-либо приключений. В небе ярким диском висела луна, высвечивая серебряным светом наезженную дорогу до яра и сверкающую тропку за ним.

В один из беспечных тех вечеров мне приглянулась на танцах милая девушка – раньше на танцах я её не встречал. Я бы не назвал её как-то красивой, хотя, в общем, понятие красоты относительно, но была она так свежа, таким счастьем у неё горели глаза, разгорячённые танцем, что, пригласив её первой, я не отпустил её до конца. Это уже налагало на меня обязательства, я должен её проводить. Но осознание этой обязанности до меня не успело дойти. Желание проводить её пришло раньше. Как ни хорошо было с ней танцевать, но нас потянуло на волю, захотелось остаться одним, и мы с нею сбежали из клуба.

Я уже знал, что зовут её Нина, что она, как и я, тоже Платонова и приходится мне сестрой то ли троюродной, то ли четвероюродной и по отцу, и по матери – тут мы немного запутались в сплетении родословных. Учится она в пединституте почему-то в Нижнем Тагиле (!), а сейчас приехала к родителям на каникулы.

Разговаривая, мы долго бродили по парку и даже посидели с ней на скамейке, не на той, у которой избежал я битья – на другой, укромной, с другой стороны, подальше от церкви.

Возможно, наша неторопливая беспечность и помогла выследить нас – из клуба мы невзначай вроде бы ускользнули, незаметно, как нам казалось. Хотя не исключено, что с Нины не спускали глаз с самого начала её появления в клубе. Когда я уже вёл её к дому по узкой извилистой улице, ущельем пролёгшей между отвесными стенами почти сомкнувшихся между собой высоких акаций и тополей, а бледные пятна маленьких окон маячили ещё вдалеке, из огорода метнулась тень и, перемахнув через плетень, стала перед нами чёрной фигурой, загородившей дорогу.

Это был высокий парень в тёмных брюках и пиджаке, наброшенном на плечи, и с неразличимым в тени деревьев лицом. Ветви заслоняли его от лунного света.

От неожиданности я вздрогнул и выпустил руку девушки. Мы остановились. Фигура стояла, не двигаясь, и молчала.

А я ощутил, как меня охватывает трусливая дрожь, которую внешне, конечно, я сдерживал. Деревенский парень был явно сильнее меня, а я был безоружен, а тут ещё эта нога! Неверное движение – и взвоешь от боли!

Итак, парень молчал, молчал я, молчала и Нина. В том, что парень побьёт меня, если до драки дело дойдёт, сомневаться не приходилось. Но молчание затягивалось до неприличия, и я, наконец, решился, стараясь придать голосу необходимую твёрдость, спросить его:

– Что это значит?

– Тебя это не касается, – проговорил парень и, шагнув к нам, схватил Нину за руку:

– Мне надо поговорить с тобой, Нина.

– Я не могу сейчас, – испуганно отозвалась девушка, но парень упрямо тащил её к себе:

– Мне надо поговорить с тобой...

А я стоял ошеломлённый, испуганный, оскорблённый и его наглостью, и своей трусостью, и её покорностью. Однако ведь сразу я за неё не вступился, как ей было не покориться? Вот в чём дело.

Я был отвратителен, противен себе. У меня забрали девушку, которая мне понравилась, и которую я провожал, а я даже слова в защиту не вымолвил. И от стыда и позора кровь захлест-

нула голову жаром, я рванулся вперёд и вынул Нинину руку из руки парня. Он обернулся. Теперь уже я держал девичью руку, и я должен был её защищать:

– Ты разве не видишь, что она не хочет идти с тобой? Что же ты тащишь силой?

Я чувствовал, как Нина дрожит от испуга, и её страх подавил мой. Чувство долга его подавило.

На мои слова парень отозвался небрежно:

– Я с тобой не хочу говорить. Я вспылел:

– Это твоё дело. Но хочет ли Нина говорить с тобой?

Тут мы оба к ней повернулись, а она дрожащим голосом прошептала:

– О чём нам говорить. Пётр? Я не хочу ни о чём говорить, ни о чём. Слышишь?!

Но Пётр и не пошевелился, и мы по-прежнему молча стояли друг против друга на лунной дорожке в окружении стены чёрных деревьев слева от нас и переливающейся зеленоватой, серебристой листвой – справа.

Но сколько можно стоять? Я перехватил руку Нины под локоть и сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.